

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ГОРИЗОНТЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Е.Г. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена анализу ситуации, которая сложилась в постсоветской России с философским образованием. Вопрос о легитимации философии в современном обществе напрямую связан с тем, каким образом, в каких социальных пространствах и посредством какого образовательного инструментария производятся философские инвестиции. Использование методологии проблематизации, дескриптивной аналитики и контекстуализации позволило выявить те тенденции, которые прослеживаются в конституировании философской образовательной прагматики, а также выявить причины последних. Вне сферы философского образовательного регулярного и целенаправленного попечения в постсоветском России оказались практики популяризации фундаментальных концептов знания среди широких слоев населения. Современное российское философское образование ограничивается лишь пределами высшего школы. Отчетливо проявляется тенденция дальнейшего целенаправленного ограничения этого пространства: философия уже не является обязательной дисциплиной при подготовке специалистов высшей квалификации. Тому есть несколько причин как социально-объективного характера, связанного с историческими обстоятельствами развития философии в России, так и субъективного, связанного со спецификой философского знания как такового и его «неконкурентоспособности» сегодня в отношении привилегированной модели мироустройства. К первым относится неизжитое со времен социализма отождествление философии и идеологии. Большое значение здесь также имеет специфики отечественного, российского, философствования как такового. Ко вторым – достаточно индифферентные отношение к всевозможным коммуникативно-технологическим инновациям вообще, и их эвристическим, а также методологическим привилегиям в образовании в частности. В случае с философией использование инновационных технологий не дает никакого концептуально значимого для дисциплины приращения, но область прикладную и вторичную – операционно-инструментальную. Двусмысленным и неопределенным остается также и статус самого «агента», фигуры философа, который в сегодняшней системе общественного разделения труда присутствуя номинально в качестве соответствующей позиции в государственном номенклатурном реестре легитимно номинируемых профессий, реально же и по факту как таковой отсутствует.

Ключевые слова: философия, русская философия, идеология, постсоветская Россия, высшее образование, философское образование.

Ссылка при цитировании: Соколов Е.Г. Философское образование в постсоветской России: горизонты возможностей // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 3. С. 46–58. DOI: 10.18721/JHSS.12304

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

PHILOSOPHICAL EDUCATION IN POST-SOVIET RUSSIA: HORIZONS OF OPPORTUNITIES

E.G. Sokolov

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the situation that has developed in post-Soviet Russia with a philosophical education. The question of the legitimization of philosophy in modern society is directly related to how, in what social spaces and through what educational tools philosophical investments are made. The use of the methodology of problematization, descriptive analytics and contextualization made it possible to identify the trends that can be traced in the constitution of philosophical educational pragmatics, as well as to identify the causes of the latter. Outside the sphere of philosophical educational, practices of knowledge popularization among the general population regular and purposeful received a lot of attention in post-Soviet Russia. Modern Russian philosophical education is confined only to the limits of higher education. The tendency of further purposeful restriction of this space is clearly manifested: philosophy is no longer a mandatory discipline in the training of highly qualified specialists. There are several reasons for this, both socially objective, related to the historical circumstances of the development of philosophy in Russia, and subjective, related to the specifics of philosophical knowledge as such and its “uncompetitiveness” today with the privileged model of the world order. The first is the identification of philosophy and ideology, which has not been overcome since the time of socialism. The second is a rather indifferent attitude to all kinds of communicative and technological innovations in general, and the heuristic and methodological advantages they can give to education in particular. The use of the technological innovations does not give any conceptually significant increment for the discipline. The status of the “agent” himself, the figure of the philosopher, who is nominally present in the current system of the social division of labor as the corresponding position in the state nomenclature register of legitimately nominated professions, remains ambiguous and uncertain, but in reality is absent.

Keywords: philosophy, Russian philosophy, ideology, post-soviet Russia, higher education, philosophical education.

Citation: E.G. Sokolov, Philosophical education in post-soviet Russia: horizons of opportunities, Society. Communication. Education, 12 (3) (2021) 46–58. DOI: 10.18721/JHSS.12304

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Философское образование – и как практика подготовки специалистов соответствующего, философского, профиля, и как популяризация философских знаний среди широких масс населения, т.е. некий род просвещения – не является, на первый взгляд, первостепенной и насущной задачей, без решения которой футурологическое социальное проектирование было бы ущербным, неполным и лишилось бы патетически-пафосного оптимизма. Причем, – ни на уровне выработки стратегий государственного развития, ни с точки зрения приоритетных форм реализации последних на практике. На повестке дня совсем другие ориентиры, на которые равняется современное общество. И это касается не только нашей страны, но, я уверен, подавляющего большинства мировых держав вне зависимости от их политико-экономического уклада и уровня технологической оснастки: постсовременная эпоха, каким бы титулом ее ни величали, в своей повседневности ко всему философическому апеллирует крайне редко. Во всяком случае, в риторике публичных декламаций. При этом утверждать, что философия полностью изгнана из нашей жизни, в том числе и из повседневной, едва ли справедливо: она, как и в предыдущие времена, под разными личинами и в различных модификациях, так или иначе пронизывает все стороны человеческой деятельности, интеллектуальной – в том числе.

Невнимание со стороны власть имущих, определяющих стратегии и тактики движения общества, игнорирование или сознательное третирующее философии как таковой – как экзистенциально-ментальной антропологически фундированной размерности, нуждающейся в обиходе, и как специальной интеллектуальной практики, эффективность которой напрямую связана с предварительной и весьма длительной пайдеветической дрессурой, – можно было бы считать величайшим и губительнейшим упущением, если бы такое... имело место быть. Но – в том то и состоит суть парадокса – философия никуда не делась: она воспроизводится, в качестве профессиональной деятельности в том числе, хотя и в других режимных регламентах, изменяя свой облик в соответствии с обстоятельствами и конкретно-ситуационными декорациями, отнюдь не утрачивая

свою дисциплинарную идентичность. Впрочем, за многие века своего существования подобное, т.е. нахождение на периферии актуально-востребованного инструментального реестра общества, скорее – правило, нежели исключение. Из более или менее известных нам исторических периодов, вероятно, лишь дважды случалось обратное: эпоха Просвещения (европейского) и советский период Российской истории. Поскольку опыт жизни в СССР еще свеж в памяти подавляющего большинства населения нашей страны, а сформировавшиеся в тот период времени ментальные векторы и «интонации» продолжают если ни предопределять «экзистенциальную стилистику повседневности», то уж, несомненно, – интенсивно воспроизводиться, постольку обозначенный выше «кризис философии» вообще, и философского образования в первую очередь и в частности, переживается особенно остро. Тем более что как обособленный род профессиональной деятельности в современной системе разделения труда, в первую очередь и предопределяющей образовательные стратегически-тактические модели, философия вписывается с большим трудом, без всякого энтузиазма откликаясь на разного рода инновационно-технологические директивы, запросы и вызовы времени. Тем не менее, поскольку опыт воспроизводства практик жизни посредством именно профессии, а не ремесла или «стиля», как-то имел место в прошлом, сегодня утвердился практически тотально (в репрезентативных модусах социальной саморефлексии уж во всяком случае), поскольку философия как профессия, как специальность, как отчужденная и обособленная от фундаментальных антропологических экзистенциалов практика, нуждается и в осмыслении, и в исследовании, и в теоретически-практической проработке. Это в первую очередь относится и к процессу производства производителей «философской продукции», т.е. к подготовке специалистов-философов (разного уровня), или – к философскому образованию, как бы странно или экзотично ни звучал профессионально-квалификационный титул «произведенного продукта»: философ.

Постановка проблемы

Как бы странно или экзотично ни звучал квалификационный титул «произведенного продукта» – профессиональный философ! – опыт, и немалый, подготовки специалистов данного профиля в нашей стране накоплен немалый. Истоки специального философского образования в России восходят к тому времени, когда у нас стали внедрять и практиковать западно-европейские модели жизни и, как следствие, образования, т.е. – со времен Петра Великого и Просвещения. Это – общеизвестно, осмысленно и достаточно хорошо исследовано [1–6]. Гораздо хуже обстоят дела с философским образованием в советское время. Ввиду очевидной «напряженности», которую современное российское общество испытывает к прошедшей эпохе, весьма непростого и очень двусмысленного отношения к реалиям советского времени вообще, и к господствующей тогда философско-идеологической доктрине в частности (к чему я еще вернусь), спокойная, объективная, трезвая и интеллектуально вмняемая, оценка сложившейся в тот момент ситуации (и «в философии», и «с философией») нуждается в долгом и специальном разговоре, который в среде специалистов философов уже начался [7–9], но еще далек до завершения или выработки более или менее устраивающего всех консенсуса. Но и после краха СССР, за истекшие с той поры 30 лет, накопился некоторый опыт, на некоторых характерных чертах которого я и остановлюсь. Тем более, что соотносятся они не только с теми тенденциями и устремлениями, что практиковались, культивировались и воспроизводились, в советское время, но и с общемировыми культурными, общественно-политическими, в том числе и образовательно-воспитательными, производными от легитимно-привилегированных концептов реальности, жизни и человека. А также, в не меньшей степени, с некоторыми особенностями отечественной философии как таковой, простирающейся от Древней Руси и прошедшей в свое эволюции и западно-европейский, и советский искус, но сохранившей и сегодня свою самобытность. Петербургский же опыт в этом отношении весьма показателен не только потому, что Петербург в отечественной истории и

культуры — одна из символических «реперных точек», предопределяющих горизонты отечественных «данностей» современности, но также еще и потому, что философия как специальность, а значит и как номенклатурно-штатно фиксированное «подразделение» профессионально пайдеветической процессуальности, начиналось именно в нашем городе, и если не все три века безраздельно законодательно предопределяла облик и характеристики всей области, то, несомненно, участвовала и участвует в выработке и фиксации последних.

Состояние проблемы и обзор литературы

Что касается распространения философских знания среди россиян — философское просвещение в широком смысле — то такой вопрос даже не поднимается ни на государственном уровне, не среди специалистов. Вместе с советской державой закончилась история и весьма полезного начинания той эпохи — популяризации (систематической и регулярной, с разветвленной организационной структурой, методологически и экономические поддерживаемой) научных знаний среди широких масс населения. Под эгидой всесоюзного общества «Знание» огромное количество лекторов (и штатных, и внештатных) рассеивали семена философских знаний по городам и весям буквально во всех слоях населения. Я не буду останавливаться на том, что не редко это проходило принудительно и не вызывала энтузиазма среди «окормляемых млеком знания», но невозможно не признать положительный момент таких инициатив. Кроме того, не следует забывать, что любые образовательно-воспитательные процедуры всегда так или иначе предполагают принудительную дрессуру. В начале 90-х годов общество знание прекратило свое существование. Подхватившее инициативу общество «Знание России» уже в середине десятилетия пришло в упадок. Ни государственное субсидирование, ни организационные усилия (попытки предпринимались в 2015 и в 2017 г., когда были изданы соответствующие указы президента и к процессу было подключено Министерство образования и науки) не изменили ситуацию: проект масштабного просвещения масс, включающий популяризацию научных знаний, в том числе и философских, не работает.

В системе общего среднего образования отдельные философские вопросы, разумеется, затрагиваются в обществоведческих циклах, но доля их (а главное — значимость) в общей структуре тех обязательных знаний и навыков (компетенций), которыми должен обладать каждый выпускник школы практически, ничтожна. «Нет, пока философию из приличия не убирают из системы российского образования, но тенденции к тому явно наметились» [10, с. 5]. В качестве некоторой компенсации предлагается: ««Философия для детей», «Философия — детям», «Философия с детьми», «Детская философия», «Школа юного философа» — вот лишь некоторые названия для обозначения одного и того же явления: развития у детей мыслительных способностей, выходящих за рамки банальной конкретики и прагматики, нацеленных лишь на «бытовое выживание» человека и замыкающихся на проблемах как бы поесть, поспать, обогреться, заработать на все это, отдохнуть и т.п.» [10, с. 8]. Однако, всерьез полагать, что «философия для детей как общеобразовательный предмет может быть встроена в систему современного российского образования» [10, с. 5] — наивность или утопическое мечтание: никаких оснований (ни политически-идеологических, ни концептуально-методологических, ни организационно-юридических) том на сегодняшний день нет и едва ли они появятся в ближайшем будущем. «Философия для детей», безусловно, хорошая идея. Она даже находит поклонников и продолжателей во многом благодаря энтузиастам и филантропам [11]. Тем не менее, случающиеся прецеденты — окказиональны, разрознены, случайны, носят исключительно частный характер. Никакого официального отклика, там более — систематической государственной организационно-экономической поддержки не имеют. Едва ли последнее случится в ближайшем будущем.

Итог очевиден: философское просвещение широких масс, работа по формированию дидактически-пайдеветически опекаемой и контролируемой совокупной «народной философии», соответствующей современным тенденциям развития страны и мира, осталась в уже далеком

советском прошлом. Сегодня подобное — прежде всего с точки зрения социальной прагматики — невозможно. Что само по себе — если иметь ввиду те не краткие по времени и немалые по регионам эпохи, сквозь которые без убытка для себя, а порой даже и с приращениями, прошел ее, философии, многовековой путь — не является катастрофой, тем паче — симптомом приближающейся смерти. Как показал опыт истории, обратной стороной выживаемости при любых системах и правителях является практически отсутствие шансов стать тотально-распространенной социальной практикой. Подобная ситуация — не новость, не исключение, но, скорее, правило.

Теперь можно перейти к профессиональному философскому образованию. И это — о высшей школе: прецеденты подготовки в средне-специальных учебных заведениях специалистов в области философии отсутствуют. Впервые вопрос о необходимости сознательного и целенаправленного реформирования философского образования, равно как и о концептуально-методологических априори этого процесса, в постсоветской системе высшего образования был поднят деканом философского факультета Мироновым В.В. в программной статье, которая потом множество раз перепечатана, «Проблемы образования в современном мире и философия» [12]. Обращу внимание на год издания — 2002, т.е. спустя десятилетие после краха СССР. Казалось бы — почему столь долго профессиональная философская общественность — молчала. Среди многих причин, как мне кажется, одними из главных можно отметить следующие обстоятельства. Именно на рубеж столетий пало начало активных и всеохватных реформ в Высшей школе. Ранее происходившие здесь изменения в большей степени носили «косметический характер». Т.е. система функционировала во многом по старым, еще советским, моделям и лекалам. Разумеется, те или иные подновления непрерывно случались, однако они не были системными, всеохватными и тотальными: нововведения, зачастую исключительно «декоративные» (титульно-организационные), укладывались в общую структуру, не нарушая ее. Философии это касается непосредственно: последнее десятилетие XX века философское образование — и тематически, и по смыслу — по сути дела продолжало и развивало, хотя и под измененными названиями, то, что было и концептуализировано и артикулировано в последние два десятилетия советской власти. «Мы сейчас остались, наверное, единственной страной, в которой философия в вузах преподается в качестве обязательной дисциплины. Как и следовало ожидать, из этого часто делают само собой, казалось бы, напрашивающийся вывод, что от философии в вузах вообще давно пора отказаться. Но ломать — не строить. Не полезнее ли было бы исследовать те возможности, которые дает нам традиция обязательного преподавания философии?» [12, с. 9]. Но... «но обязательное преподавание в вузах» — это советский проект. И вопрос о целесообразности продолжения «его дальнейшей эксплуатации» встал уже в 21 в. Вопрос, как нам уже известно, решился: философия в Высшей школе осталась, но перешла в разряд необязательных, зачастую чисто декоративных дисциплин. 20 лет тому назад такой исход был еще неочевиден. Поэтому за выступлением В.В. Миронова последовала целая волна апологетических выступлений-инициатив различного характера в среде «широкой философской общественности». Начали издаваться периодические журналы соответствующего профиля: «Философское образование» (под эгидой Межвузовского центра по русской философии и культуры), который выходил до 2018 г. и «Философское образование: вестник ассоциации философских факультетов и отделений» (под эгидой Санкт-Петербургского философского общества), выходивший с 2010 по 2016 г. На страницах этих журналов было напечатано множество статей, посвященных анализу той ситуации, в которой оказалось — и в нашей стране, и за ее пределами — философское образование (профессиональное в том числе) и рекомендаций по преодолению очевидного кризиса. Сказать, что дискуссии по данным вопросам вышли за пределы узко-корпоративного круга и получили резонанс, тем паче — поддержку среди специалистов (нефилософов), и смогли существенно повлиять на формирование государственной политики в системе высшего образования, едва

ли возможно, о чем свидетельствуют реализуемые программы направлений подготовки специалистов высшей квалификации.

Новый виток интереса к вопросам философского образования, (на этот раз профессионального, т.е. непосредственной подготовки специалистов-философов), к тому, каким образом можно преодолеть и как-то разрешить те противоречия, которые существуют между утвердившейся на сегодняшний день вузовской системой подготовки специалистов, нормативами, регламентирующими эту деятельность (образовательными стандартами) и критериями, выработанными столетиями, которым должен соответствовать человек, притязующий на титул «профессионального философа», – был инициирован на двух заседаниях Президиума Федерального учебно-методического объединения (ФУМО) по укрупненной группе направлений подготовки «Философия, этика и религиоведение» в феврале 2017 г. и в феврале 2018 г. (МГУ им М.В. Ломоносова). На обоих заседаниях выступающие отталкивались от очевидной, на их взгляд, максимы пагубного невнимания государства к философскому образованию: «Обострение идеологической борьбы не только на международном уровне, но и, что особенно важно, внутри страны, – свидетельство недопонимания со стороны государства важности глубинной философской работы с гражданами. Особое внимание, конечно, надо уделить подрастающему поколению. Недостаток философского образования приводит к неустойчивости, текучести сознания» [13, с. 115]. И еще: «Высшая школа готовит профессионалов в определенной области (помним, что «специалист подобен флюсу») забывая о мировоззренческом становлении гражданина... Философия – это живой диалог, которого менеджеры от образования лишают наше подрастающее поколение... Только осваивая основы философии, можно способствовать выработке позиции подрастающего поколения, становлению ценностной ориентации и их убеждений. Если мы не работаем с мировоззрением, то для будущего России мы готовим безынициативных исполнителей, что противоречит стратегии современного образования: развитие самостоятельно и креативно мыслящей, активной личности». [14, с. 84]. Не буду сейчас вдаваться в дискуссию по поводу того, что подобный аргумент при легитимации философского знания (будь то в образовательно-воспитательной процессуальности, будь то в «широких слоях населения»), уже был использован и дал свои определенные плоды – многие, из которых оказались весьма скверными, ибо не помешали краху державы – в недавнем советском прошлом. Однако, его назвать весомым и спасающим ситуацию едва ли возможно: и потому, что модель философия-идеология (соответствующая конъюнктуре текущего момента) прошла практическую апробацию и, по факту, не доказала свою историческую эффективность, и потому, что нынешние аксиологические, эпистемологические, технологически-инструментальные обстоятельства отличаются (может быть даже и коренным образом) от тех, что были 30 лет тому назад (экзистенциальный «саунд» – иной), и, в не меньшей степени, потому что ограничивают эвристические (в том числе и образовательный) ресурсы самой философии, во многом, препятствуют ее внутреннему развитию.

Результаты исследования (обсуждение)

Тому, что философия вообще, и философское образование в частности, находятся в постсоветской России на периферии общественного внимания, а ее адепты и пропагандисты выглядят не слишком приглядно, что мало способствует привлечению внимания, есть множество причин, на некоторые – укажу. Главная – очевидна: философия никогда не была и не будет ни хлебом насущным, она напрямую никак не связана с практиками «забот о себе» и технологиями жизнеобеспечения (в той концептуальной интерпретации «человеческой жизни», которая сегодня доминирует и повсеместно воспроизводится), и не входит в реестр «забавно-симпатичных прихотей досуга». Таковой она никогда и не была, как уже говорилось выше. Но кроме этого, важны еще несколько обстоятельств, связанных с нашей отечественной ментальной традицией.

Сколько бы профессионалы-философы ни упорствовали в обратном, какие бы документы и цифры ни приводили в качестве доказательств, сколько бы исторических и авторитетных свидетельств ни привлекали себе в помощь, у подавляющего большинства населения современной России – и у тех, кто еще помнит советские времена, равно как и у тех, кто знаком с последними лишь понаслышке – философия (вообще) коннотирует с советской философией, являвшейся (в широком общественном сознании) идеологическим инструментом общего контролирующе-репрессивного аппарата. Это то, что последние тридцать лет изгоняется, изживается, преодолевается и вымывается. Где сознательно и целенаправленно, где – «критически и осмысленно». Распространенное – хотя и не тотальное – подчас весьма негативное отношение советских интеллигентов-интеллектуалов (т.е. тех, кто прошел профессиональную дрессуру в высшей школе) к философии передалось и тем, кто воспитывался в иных социокультурных обстоятельствах. Тем более, что те, советские, поколения еще не ушли на покой и составляют все еще большую часть населения страны. Да и среди размышляющих на сей счет профессионалов подобная точка зрения – не редкость: «Советская философия есть составная часть могучего идеологического аппарата советского общества. И отделить ее от этого аппарата можно лишь условно» [15, с. 85]; «В литературе по настоящее время прочно удерживается взгляд, согласно которому советская философия была философией марксизма-ленинизма; соответственно, она и могла, с этой точки зрения, существовать только в качестве марксистско-ленинской философии» [16, с. 277]; «Распространено толкование «советской философии» как «служанки» коммунистической идеологии, разделяемой, насаждаемой и поддерживаемой «советской властью» [9, с. 156]. Не буду останавливаться на том, насколько такая трактовка справедлива и соответствует историческим реалиям. Лишь прочерчу смысловую цепочку: философия – советская философия – марксистско-ленинская философия – идеология. Думаю, что именно «экзистенциальные травмы» прошедших – или имеющих «в живой памяти поколений» – однажды идеологическую принудительную дрессуру, лежат в основании недружелюбного предубеждения, не изжитого, но, напротив, воспроизводимого. Не всеобщего, не тотального, обращаю на это внимание, но – задающего общую «ментальную интонацию», определяющую «аксиологически-эпистемологические априори» любых философско-образовательных радений.

Другой аспект связан со спецификой отечественной философии: ее очевидная общая несхожесть с европейскими, да и мировыми аналогами и (это уже касается ближайшей к нам исторически советской эпохи) столь же очевидный «принципиальный» изоляционизм. При всей неоднозначности отношения к советской философии как со стороны специалистов, так и неспециалистов, несомненно одно: сей феномен имел место быть, он – масштабен, многовариантен, достаточно многообразен, социально и культурно значим. А также, что принципиально для нашего разговора, он располагается в пределах отечественной философской традиции, а потому – вне зависимости от оценки, позитивной или негативной, – является одним из этапов эволюции отечественной мысли, который игнорировать невозможно. А коль так, то мы сразу же погружаемся в бесконечные дискуссии, длящиеся уже более полутора веков и не утихающие до сего дня, по поводу самоопределения и специфики это философской традиции. «Советская философия, или философия в СССР, несмотря на предельно возможную близость для основной массы активно действующих российских философов, превратилась в загадочный и трудноуловимый феномен истории философии, истории национальной культуры, истории вообще» [7, с. 4]. Не архаическим и формально риторическим выглядит радикальное вопрошание: «Философия, как известно, рождается в пределах некоторого сообщества. И, конечно, создание новой институции – это знак фиксации тех направлений, которые могут быть сегодня развиваемы.... Вот вопрос: «философия ли русская философия? Вопрос не новый, но не утративший актуальность» [17, с. 120]. И столь же радикальный отклик, который в профессиональном отношении ничего не проясняет, являясь лишь идеологической «очевидностью», специальное обоснование которой

выносятся за скобки: «Философия произрастает в определенном месте. У мысли есть окрестность. Значит, в самой русской философии есть потенции, которые могут развиваться вместе с мировой мыслью, но особым образом» [17, с. 120]. Соответственно, «стиль и лад» отечественного философствования вообще, и философского образования в частности, рассеивается и включает в себя множество предусловий (политическо-идеологических в той же мере, как институциональных и концептуально-операционных), фундированных и исторической традицией и текущим социокультурным горизонтом. Советская реальность в этом отношении — лишь один из таких «дисциплинарных априори». Вглядываться и выяснять специфику последних — это уже другой разговор. Не меньшее значение имело и то, что в силу хорошо известных обстоятельств советская философия, так же, как и вся держава, находилась практически в полной изоляции от тех событий, которые происходили в философском мире за ее, страны, пределами. Практически все интеллектуальные нововедения XX века, коих случилось невероятное количество, оставались и в прямом смысле неизвестны (либо — весьма фрагментарно и очень узкому кругу), и в переносном, т.е. не могли быть проработаны, усвоены и развиты. Причем, это относилось и к собственным, русским, но развиваемым за пределами страны, опытам. Последний мощный интеллектуальный вброс, получивший поддержку, одобрение и развитие, случился в конце 19-началае 20 век — вторая волна позитивизма. Все остальные философские новшества — либо игнорировались, либо отвергались. Тот вал философских откровений, что обрушился на головы отечественным специалистам с 90-х годов прошлого века, не может быть мгновенно осмыслен, молниеносно впитан и существенно повлиять на «генетический код ремесла (философии)», тем более дать значимые результаты: философия — дело неспешное, а философ пестуется долго, ибо речь идет не только об усвоении определенных операционных навыков.

Еще обращу внимание на два момента, которые порождают множество сложностей, с трудом разрешаемых в текущих образовательно-воспитательных обстоятельствах. И философия вообще, и философское образование не отзываются с ликующим восторгом на разнообразные инновационные введения, сегодня являющимися аксиологическими маркерами, едва ли ни самыми значимыми, легитимности тех или иных процедур. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что многообразные и повсеместно директивно внедряемые в образование, так же, как и в контексты повседневности, информационно-коммуникационные системы в случае с философией никакого «дисциплинарного приращения» не дают, и никаких «прорывов» обеспечить не могут. Область — по понятию — неинновационна и инновационной быть не может в принципе. Это, разумеется, не означает, что профессионалы философы саботируют или сознательно игнорируют те возможности, которые предоставляются новыми (цифровыми в том числе) технологиями: их используют в своей повседневной практике. Однако, режим их, этих технологий, применения ограничивается лишь операциями, имеющими отношение к «реестру набора средств», сколь бы велик по количеству он ни был бы, но не к дисциплинарной аксиоматике как таковой: вместо ручки/печатной машинки — компьютерная клавиатура, вместо книги в руках — монитор, визит в библиотеку заменяется посещением электронной версии последней, лекция-семинар в студенческой аудитории — онлайн аналогами на тех или иных интернет-платформах и т.д. Нет, я не отрицаю удобств применения всех этих инноваций в повседневной профессиональной деятельности, равно как и тех изменений, которые они порождают. Но. В том-то и дело, что они не касаются смысла и сути философского образования. А именно: происходящие трансформации затрагивают социально-антропологические и экзистенциально-культурные регистры в первую очередь, и лишь в этой степени могут быть аналитически спроецированы в горизонт философской пайдеи. Кроме того, еще раз акцентирую внимание, речь идет лишь об *инструментарии*, но не о трансформации, перекодировке или реструктурировании совокупного «дисциплинарного тела», способы функционирования и репродуцирования которого уже множество веков как утверждены, опробованы и остаются неизменными: обозрение, обследование и обустройство горизонтов имманентности

посредством «концептуального скольжения» (Ж. Делез). В этом вопросе – в своих имманентных и канонических формах реализации – философское образование не может быть ни трансформировано, ни даже подвергнуто отдельной аналитической экспертизе «изнутри», хотя и не исключается возможность «внешнего обозрения».

И наконец последнее: фигура самого философа. Тут – безбрежное море разнообразных мнений, каждое из которых, безусловно, справедливо: «философ – это человек, который постоянно переживает ряда вон выходящие, видит и слышит их, указывает и жаждет, грезит ими» (Ф. Ницше) [18, с. 97] «философ лечит вопрос – как болезнь» (Витгенштейн Л. [18, с. 27], «философ – человек, который стремится открыть тотальность бытия» (Ж.П.Сартр) [19, с. 179], «философ – человек, который духовно (экзистенциально) обеспокоен и мотивирован на преодоление границ познания» (К. Ясперс) [20, с. 18]. Или, если не из классиков: «Философ взирает на мир.... Главное для него – производство смыслов, значимых для данной эпохи, и живущих в них людей» [21, с. 147]. Ни в коей степени ни оспаривая справедливость вышеприведенных слов, как и великое множество аналогичных высказываний по данному поводу, а им – несть числа, хочу все же повернуть вопрос в область «социальной прагматики», профессиональной, современной, имеющей непосредственное отношение к философскому образованию. Кого готовят на философских факультетах и отделениях, выдавая диплом с квалификацией философа? И где на практике он будет работать в качества «законного» специалиста. В минувшем советском прошлом вопрос это решался без особого труда, благодаря чему рекрутировать желающих не составляло труда: в высших или специальных учебных заведениях, где преподавание дисциплины философии было обязательным, либо – в соответствующих институтах надзирающих за социальной процессуальностью в различных областях жизни политотделах-политорганах, пропагандистско-просветительских учреждениях, курирующих воспроизводство и распространение идеологического канона. В постсоветской России подобные социальные институты либо ликвидированы, либо их присутствие в повседневной практике, в том числе образовательно-воспитательной, весьма существенно ограничено (например, преподавание философии). В утвержденном реестре профессиональных стандартов «открыватель тотальности бытия», или «мотиватор преодоления границ познания» и пр. отсутствует, и едва ли есть надежда, что когда-либо в будущем появится. Получивший высшую профессиональную квалификацию едва ли может конкурировать с привилегированными в текущей социокультурной конъюнктуре – и официально, и неофициально. – разнообразными технологами-наладчиками реальности и аниматорами-коучами экзистенции?! Едва ли такое можно себе представить. Впрочем, проблема эта неразрешима в принципе сегодня также, как и в прошлом: философия, как и философы всегда оставалась «не у текущих дел». Разумеется, всегда были, есть и будут экстравагантные чудачки, замороженные «вечным и духовным». Но насколько племя сих многолюдно? Насколько проводники-водители в эти просторы могут рассчитывать на то, что будут востребованы? Думаю, что ответ очевиден. Поэтому, весьма неприглядное положение, в котором оказалось философское образование в постсоветский период отечественной истории, не улучшится, сколь бы отчаянно не доказывали свою необходимость представители философического цеха и каких-бы охранительных привилегий у власть имущих ни доискивались. Это необходимо принять, с этим надо смириться: за пределами России дела обстоят не лучше, а может быть даже и хуже, да и в минувших столетиях отрядные прецеденты хоть и случались, но были редки и крайне непродолжительны.

Выводы

Отталкиваясь от нескольких максим, суть которых можно свести к следующему: «Вся философская традиция может быть понята как дело самооправдания... Сегодня далеко не новым контекстом, в котором актуально это дело философии, становится тотальное требование резуль-

тативности, предъявляемое к любой деятельности, ко всякой институции. Отвечая на этот запрос, философия может и должна прояснить относительность его уместности, определиться в отношении к нему. Уже само это прояснение может быть истолковано как первичная легитимация философии, определяющей границы любого вызова времени» [22, с. 1734]. А также от того, что «Кризис старой парадигмы образования потребовал и переосмысления роли университета как особой институции в системе подготовки специалистов, способных решать определенный круг задач» [23, с. 34]. Принимая во внимание, что не зависимо от обозначенных парадигмальных изменений, охвативших в том числе и сферу высшего профессионального образования, до сегодняшнего момента общая тенденция, и она фундируется концептом реальности, все еще доминирующим в общественном сознании, сохраняется неизменной и традиционной, остается классической. Такой, какой она была артикулированная теоретически и реализованной практически в социально институализированной системно-иерархически организованной модели под условным названием «классический университет». Современное российское высшее образование генетически восходит к тем формам, которые стали распространяться с 18 в.: «Университеты, получившие впоследствии название «классические», стали складываться в России в XVIII веке» [1, с. 34]. В этой модели философия и, соответственно, философское образование неизменно присутствовало (на различных ролях). В первом российском Санкт-петербургском университете, открытом по указу Петра I от 28 января 1724 г. уже «читались курсы метафизики, логики, красноречия и нравоучительной философии» [24, с. 5] Философия в качестве необходимой и значимой интеллектуально-эвристической процедуры имманентна европейской, и современной российской, образовательной модели. Советский период в этом отношении не явился исключением. Однако, вследствие того, что, с одной стороны, юрисдикция философских инвестиций и функциональной опеки была чрезвычайно расширена и охватила едва ли не все институализированные пайдеветические пространства, с другой стороны, в своем содержательном наполнении так или иначе являлась проводником идеологических директив, после распада СССР, и философия вообще, и философское образование переживает определенный кризис: сокращением ареала распространения. Это связано и с дисциплинарной спецификой данной области, почти всегда в исторических эпохах раритетной, практикуемой в кругу крайне незначительного круга адептов, и с особенностями отечественной философской традиции, до конца не определившейся в собственной идентичности, но также и с обстоятельствами переживаемого в последние 30 лет «непростого отношения» к советскому опыту построения жизни, репрезентативным маркером чаще всего философия и почитается. Не менее значимыми являются и более частные, но тем не менее значимые для определения перспектив развития философского образования, обстоятельства: философия, так же, как и философское образование, исходя из своего предметно-операционного поля, т.е. консервативна «по дисциплинарному понятию» и не откликается на инновационно-технологический призыв-вызов с готовностью. Кроме того, в существующей системе разделения труда статус профессионального философа не слишком привлекателен, но даже и двусмысленен. Получается, что вроде бы никакой опасности полного упразднения философского образования из социального горизонта не существует: гарантом является сама «классическая» модель высшего образования. Пока последняя воспроизводится — беспокойство неоправданно. При этом «социальная значимость» (ценность и статус) практически нулевая. Такова реальность и ее надо принять.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ (грант № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде-Петербурге. Вторая половина XX века»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дианова В.М.** Философское образование в классических университетах России: история и современность // *ΣΟΦΙΑ*. 2014. Vol. 14. С. 73–79.
2. **Кобзарь В.И.** Философский факультет в СПбГУ // *Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений*. 2010. № 5. С. 62–71.
3. **Ибрагимова З.З., Серебряков Ф.Ф.** Философская мысль в Казанском университете // *Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений*. 2011. № 1 (2). С. 54–60.
4. **Завьялова М.** Философский факультет Томского государственного университета (краткий исторический очерк) // *Философское образование. Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений*. 2011. № 1 (2). С. 40.
5. **Павлов А.Т.** Философское образование в России в начале XX века // *Вестник Русской христианской академии*. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 183–177.
6. **Осипов И.Д.** Традиции философского образования в Петербургском университете // *Вестник СПбГУ*. 2016. Сер.17. Вып. 3. С. 54–64.
7. **Немцев М.Ю.** Философия в СССР как предмет и тема истории философии // *Идеи и идеалы*. 2010. Т. 2. № 4 (6). С. 2–18.
8. **Замалеев А.Ф.** О советской философии // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2004. Сер. 6. Вып. 2. С. 4–8.
9. **Порус В.** Феномен Советской философии // *Высшее образование в России*. 2006. № 11. С. 154–166.
10. **Левикова С.И.** Философия в системе российского образования // *Современное образование*. 2016. № 4. С. 1–10. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20911 (дата обращения: 08.06.2021). DOI: 10.7256/2409-8736.2016.4.20911
11. Интернет проект *Философия для детей* URL: https://www.youtube.com/channel/UC6lYiikII7H2_V0LyQSPjIdw (дата обращения: 08.06.2021).
12. **Мионов В.** Проблема образования в современном мире и философия // *Отечественные записки*. 2002. № 2. С. 8–14.
13. **Невелев А.Б., Кротов А.А., Камалетдинова А.Я.** Современное философское образование: национальный проект // *Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки*. 2018. № 2 (412). Вып. 47. С. 114–116.
14. **Камалетдинова А.Я., Розова Е.О.** Стратегии развития философского образования // *Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки*. 2017. №1 (397). Вып. 43. С. 82–86.
15. **Зиновьев А.** Заметки об идеологии // *Континент*. 2013. № 152. С. 84–92.
16. *История русской философии / Под общ. ред. проф. А.Ф. Замалеева*. СПб.: Изд-во филос. ф-та СПбГУ, 2012. 354 с.
17. *Русская философия в современном мире: контексты актуальности. Материалы “круглого стола” // Вопросы философии*. М. 2017. № 4. С. 116–138.
18. *Путь в философию. Антология*. М. 2001. 445 с.
19. **Сартр Ж.П.** Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.В. Колядко. М., Иностранная литература, 2000. 635 с.
20. **Ясперс К.** Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Пер. А.К. Судакова. М. КАНОН+РООИ Реабилитация, 2012. 384 с.
21. **Резник Ю.М.** Человек вопрошающий. О назначении философа // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки»*. 2014. №1 (33). С. 147–154.
22. **Шиповалова Л.В.** Современная идея университета и возможная легитимация философии // *Философия и культура*. 2015. Т. 11 (95). С. 1734–1741. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.11.16373)
23. **Ищенко Е.Н.** Философия в контексте университетского образования // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*. 2015. № 2. С. 33–37.
24. **Дудник С.И.** Философское образование в петербургском университете // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2015. Сер. 17. Вып. 4. С. 5–9.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021.

REFERENCES

- [1] **V.M. Dianova**, *Filosofskoye obrazovaniye v klassicheskikh universitetakh Rossii: istoriya i sovremennost* [Philosophical education in classical universities of Russia: history and modernity], *ΣΟΦΙΑ*, 14 (2014) 73–79.
- [2] **V.I. Kobzar**, *Filosofskiy fakultet v SPbGU* [Faculty of Philosophy at St. Petersburg State University], *Filosofskoye obrazovaniye: Vestnik Assotsiatsii filosofskikh fakultetov i otdeleniy* [Philosophical education: Bulletin of the Association of Philosophical Faculties and Departments], 5 (2010) 62–71.
- [3] **Z.Z. Ibragimova, F.F. Serebryakov**, *Filosofskaya mysl v Kazanskom universitete* [Philosophical thought at Kazan University], *Filosofskoye obrazovaniye: Vestnik Assotsiatsii filosofskikh fakultetov i otdeleniy* [Philosophical education: Bulletin of the Association of Philosophical Faculties and Departments], 1 (2) (2011) 54–60.
- [4] **M. Zavyalova**, *Filosofskiy fakultet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (kratkiy istoricheskiy ocherk)* [Faculty of Philosophy of Tomsk State University (a brief historical essay)], *Filosofskoye obrazovaniye. Vestnik Assotsiatsii filosofskikh fakultetov i otdeleniy* [Philosophical education. Bulletin of the Association of Philosophical Faculties and Departments], 1 (2) (2011) 40.
- [5] **A.T. Pavlov**, *Filosofskoye obrazovaniye v Rossii v nachale XX veka* [Philosophical education in Russia at the beginning of the twentieth century], *Vestnik Russkoy khristianskoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy], 16 (2) (2016) 183–177.
- [6] **I.D. Osipov**, *Traditsii filosofskogo obrazovaniya v Peterburgskom universitete* [Traditions of philosophical education at St. Petersburg University], *Vestnik SPbGU* [Vestnik of St. Petersburg State University], 17 (3) (2016) 54–64.
- [7] **M.Yu. Nemtsev**, *Filosofiya v SSSR kak predmet i tema istorii filosofii* [Philosophy in the USSR as a subject and theme of the history of philosophy], *Idei i idealy* [Ideas and ideals]. 2010 4 (6) (2) (2010) 2–18.
- [8] **A.F. Zamaleyev**, *O sovetskoy filosofii* [About Soviet philosophy], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg University]. 6 (2) (2004) 4–8.
- [9] **V. Porus**, *Fenomen Sovetskoy filosofii* [The phenomenon of Soviet philosophy], *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia], 11 (2006) 154–166.
- [10] **S.I. Levikova**, *Filosofiya v sisteme rossiyskogo obrazovaniya* [Philosophy in the system of Russian education], *Sovremennoye obrazovaniye* [Modern education]. 4 (2016) 1–10. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20911 (accessed: 08.06.2021). DOI: 10.7256/2409-8736.2016.4.20911
- [11] *Internet proyekt Filosofiya dlya detey*. Available at: https://www.youtube.com/channel/UC6IYii-II7H2_B0LyQSPjIdw (accessed: 08.06.2021).
- [12] **V. Mironov**, *Problema obrazovaniya v sovremennom mire i filosofiya* [The problem of education in the modern world and philosophy], *Otechestvennyye zapiski* [Domestic notes], 2 (2002) 8–14.
- [13] **A.B. Nevelev, A.A. Krotov, A.Ya. Kamaletdinova**, *Modern philosophical education: national project*, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofskiy nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophical Sciences]. 2 (412) (47) (2018) 114–116.
- [14] **A.Ya. Kamaletdinova, Ye.O. Rozova**, *Strategies for the development of philosophical education*, [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophical Sciences], 1 (397) (43) 82–86.
- [15] **A. Zinovyev**, *Zametki ob ideologii* [Notes on ideology], *Continent*, 152 (2013) 84–92.
- [16] *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy], ed. prof. A.F. Zamaleyeva. SPb.: Philos Publishing House. St. Petersburg State University, 2012.
- [17] *Russkaya filosofiya v sovremennom mire: konteksty aktualnosti* [Russian philosophy in the modern world: contexts of relevance] *Materials of the “round table”, Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 4 (2017) 116–138.
- [18] *Put v filosofiyu. Antologiya* [The path to philosophy. Anthology]. M. 2001.
- [19] **Zh.P. Sartr**, *Bytiye i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothing: the experience of phenomenological ontology] trans. from. fr., preface, pri-mech. V.V. Kolyadko. M., Foreign literature, 2000.
- [20] **K. Yaspers**, *Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoye oriyentirovaniye v mire* [Philosophy. The first book. Philosophical orientation in the world, trans. A.K. Sudakov], M. KANON+ROOI Reabelitation, 2012.
- [21] **Yu. M. Reznik**, *Chelovek voproschayushchi. O naznachenii filosofa* [A person who asks questions. About the appointment of the philosopher], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevsko-*

go. Seriya «Sotsialnyye nauki» [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Social Sciences], 1 (33) (2014) 147–154.

[22] **L.V. Shipovalova**, Sovremennaya ideya universiteta i vozmozhnaya legitimatsiya filosofii [The modern idea of the university and the possible legitimization of philosophy], *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture], 11 (95) (2015) 1734–1741. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.11.16373

[23] **Ye.N. Ishchenko**, Filosofiya v kontekste universitetskogo obrazovaniya [Philosophy in the context of university education], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Problems of higher education], 2 (2015) 33–37.

[24] **S.I. Dudnik**, Filosofskoye obrazovaniye v peterburgskom universitete [Philosophical education at the St. Petersburg University], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg University], 17 (4) (2015) 5–9.

Received 01.09.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Соколов Евгений Георгиевич

Sokolov Evgeniy G.

E-mail: egslov@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2021